

Совет экспертов Исламской Республики Иран: социально-демографические и политические факторы рекрутирования (1983–2024)*

Илья Васькин

Старший преподаватель, младший научный сотрудник, Центр изучения Ближнего Востока, Кавказа и Центральной Азии, Институт классического Востока и Античности (CSMECCA) факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000 Россия
E-mail: ilya.a.vaskin@gmail.com

В данной статье анализируются социально-демографические и политические факторы рекрутирования членов Совета экспертов Ирана в 1983–2024 годах. Совет экспертов представляет из себя коллегию выборщиков, формально контролирующую Верховного руководителя, однако де-факто не пользующуюся своими полномочиями. База данных состоит из 446 наблюдений, относимых к 216 персоналиям в течение пяти созывов Совета экспертов. В статье используется структурно-биографический метод анализа. Результаты исследования показывают, что иранское духовенство в Совете экспертов относительно устойчиво, однако на него влияют тренды, связанные с массовизацией высшего образования и динамикой политической борьбы между политическими фракциями. Если изначально абсолютное большинство было консерваторами, то к последним созывам выросла доля реформаторов, а также духовенства с двойной политической аффилиацией: они относятся и к консервативным, и к реформаторским политическим организациям. Также в С. высокая доля переизбирающихся: около половины, начиная со 2-го созыва, избирались как минимум дважды, начиная с 3-го — около трети переизбирались как минимум трижды. Большая часть членов С. происходила из семинарий Кума и Наджафа, меньшинство — из семинарии Мешхеда. Среди них также широко распространено светское образование, доля охвата которого достигает 18–20% в 5-м составе. Основные специальности, полученные членами в светских учебных заведениях, — это теология, право и философия. Более половины членов всех созывов выходцы из 9 провинций, что свидетельствует о значимом влиянии патримониализма на рекрутирование в Совет экспертов.

Ключевые слова: Совет экспертов, Иран, рекрутирование элит, биографический анализ, коллегия выборщиков

Политический режим Исламской Республики Иран представляет собой сложную систему акторов и институтов, со своими сдержками и противовесами. Он не демократический, однако в нем присутствуют такие демократические элементы, как относительный плюрализм мнений и публичная борьба политических фракций за места в коллективных органах власти и должность президента. Одно из определений такого режима — «опекунский», т. е. режим, в котором «выборы конкурентны, но власть избираемых правительств ограничена не избираемой религиозной, монархической или военной властью» (Levitsky, Way, 2010: 14).

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Система конституционных органов Исламской Республики Иран — сложная система институтов, взаимодействующих друг с другом разнообразными способами. Она является дуалистической, поскольку в ней существует президентско-парламентская республиканская система с надстройкой в виде исламских институтов.

Граждане в этой системе выбирают депутатов в Исламский консультативный совет (Меджлис), Совет экспертов и президента (который фактически является избираемым премьером). Президент с согласия Меджлиса назначает министров, и самостоятельно — вице-президентов. Иранское правительство отвечает за административное управление страной. Вместе с тем политический курс президента может оказывать реальное влияние на динамику политического режима в стране (Mozaffari, 1993).

Совет экспертов выбирает и контролирует деятельность Верховного руководителя Ирана, который выбирается пожизненно и, собственно, и является главой государства, отвечает за стратегическое управление страной, а также за назначение Главы судебной власти, членов Ассамблеи по определению целесообразности по назначению², половины членов Наблюдательного совета, пятничных имамов, контролирует армию и Корпус стражей Исламской революции.

Наблюдательный совет является де-факто второй палатой парламента и состоит из 12 человек: 6 исламских юристов — факихов, которых назначает Верховный руководитель; 6 светских юристов, которых назначает Глава судебной власти. Этот орган отвечает за проверку законопроектов, предложенных Меджлисом, на соответствие нормам Конституции Ирана и шариата. Помимо этого, он надзирает за выборами и определяет, кто может стать кандидатом на парламентских и президентских выборах и выборах в Совет экспертов (Shirvani, 2012).

Ассамблея по определению целесообразности — это институт, которому Верховный руководитель делегирует часть своих полномочий, и одновременно это арена столкновения разных политических групп. Ассамблея разрешает конфликты, возникающие между политическими институтами страны и служит переговорной площадкой для ключевых элитных групп (Ghiabi, 2019).

Одним из ключевых институтов является *Совет экспертов* (СЭ). Функционально он представляет из себя коллегия, отвечающую за выборы и контроль Верховного руководителя Исламской Республики. Его члены избираются по одно- и многомандатным округам раз в восемь лет. В Конституции ИРИ не прописана обязательность избрания в него только духовенства, однако фактически никакие другие группы в него не допускаются.

Кстати, органы с похожими функциями существуют в Гонконге, Макао, Мьянме и ряде других стран. Также можно проводить осторожные параллели с Коллегией кардиналов Святого престола, избирающей Папу Римского. В обоих случаях это выборные коллегиальные органы власти, которые также определяют главу конкретной деноминации. В случае Коллегии кардиналов — это глава Римской

2. Часть членов Ассамблеи назначается по должности, конкретные должности зависят от ее состава.

католической церкви и всех католиков, в случае Совета экспертов — фактический лидер шиитов³.

СЭ — влиятельный институт, поскольку избирает и контролирует деятельность Верховного руководителя страны, а значит, именно его члены будут решать, кто станет следующим главой Ирана после смерти Али Хаменеи. Однако в остальное время его деятельность не играет большой роли в политическом процессе. Вместе с тем нельзя недооценивать значимость социально-профессиональных источников рекрутирования в этот институт. Во-первых, специфика рекрутирования может серьезно влиять на деятельность членов СЭ, их политические ориентации и установки (Edinger, Searing, 1967; Bianco, 2005; Carnes, 2012). Во-вторых, это позволяет изучить структуры власти, включающие элиты в политические институты страны (Putnam, 1976: 43). В-третьих, состав СЭ, который является политическим институтом, состоящим целиком из исламского духовенства, позволяет, по крайней мере частично, представить, как социально-демографически и политически менялось шиитское духовенство в течение более 40 послереволюционных лет. Это важно само по себе, поскольку практически все существующие на данный момент исследования затрагивают роль духовенства в политической жизни Ирана (Arjomand, 2012; Buchta, 2000; Kalantari, 2021; Rakel, 2008; Дунаева, 2018), в том числе в политической мобилизации и Исламской революции (Arjomand, 2018c; Bakhash, 1984; Foran, 1994; Parsa, 1994; Skocpol, 1982; Дорошенко, 1998). Однако не фокусируются на том, как за исключением идеологии (Kamrava, 2008; Roy, 2001; Филин, 2014) менялось само духовенство. В-четвертых, анализ структур рекрутирования позволяет оценить сплоченность и гомогенность элитного иранского духовенства.

Итак, существующие исследования в основном касаются роли С. в политической системе Ирана и представляют собой короткие обзоры или части статей на связанные с этим темы (Arjomand, 2018c; Farhi, 2014; Филин, 2008). В них фиксируются основные функции этого органа в политической системе, порядок выборов, структура и основные проблемы этого института.

Целью нашей статьи является анализ социально-демографических и политических факторов рекрутирования элит в С. с 1983 по 2024 год. В исследуемую совокупность включены все члены, которые как минимум один раз входили в этот Совет, всего 216 человек и 446 наблюдений⁴. Элиты в данном исследовании опре-

3. Верховный руководитель Ирана является политическим лидером шиитов согласно доктрине веляят-е факих. Религиозные лидеры шиитов — это аятоллы и великие аятоллы, относящиеся к традиционной системе марджаата. Аятолла Рухолла Хомейни (1979–1989) оказался единственным в Исламской Республике, кому одновременно принадлежала высшая политическая и религиозная власть. Верховный руководитель Али Хаменеи (с 1989 г.) обладает статусом ходжат оль-эслам, что примерно соответствует епископу в христианстве. Таким образом, в Исламской Республике существует своеобразный дуализм политической и духовной власти, инновационной системы веляят-е факих и традиционного марджаата. Детали см.: Gieling, 1994.

4. 1 наблюдение это 1 член СЭ, избранный на 1 срок. Если он переизбирался дважды, то такому случаю соответствуют 2 наблюдения и т. д.

деляются как «индивиды или малые, относительно сплоченные и стабильные, группы со значимым влиянием на принятие решений» (Higley, 2018: 27). В качестве основного источника данных использован справочник *Postrevolutionary Iran: A Political Handbook* (Boroujerdi, Rahimkhani, 2018) Мехрзада Боружерди и Куроша Рахимхани, где собраны биографии более 3000 представителей иранских элит после Исламской революции, а также публично доступные источники. Методом анализа является структурно-биографический: все биографии были стандартизованы по биографической анкете, далее подсчитаны результаты для каждой из характеристик по созывам СЭ. Анкеты были сгруппированы по возрасту вступления в должность; городу и провинции рождения; семинариям, где получено религиозное образование; странам, университетам и специализациям в светских университетах, по уровням образования. Далее для каждого показателя высчитывались доли, которые анализировались уже обобщенно по созывам Совета экспертов. Единственным исключением стали данные по политической принадлежности членов Совета: они использовались сразу в агрегированном виде.

Рекрутирование элит: обзор исследований

Исследования элит, проведенные на американском материале, показывают, что юридический и военный опыт не влияет на поведение законодателей (Derge, 1959; Bianco, 2005). При этом для стран Европы и Америки характерно рекрутирование элит из гражданского общества и политических партий (Blondel, Thiebault, 2018; Dowding, Dumont, 2014). Большую роль в рекрутировании элит в странах Восточной Азии играют клановые структуры. Вместе с тем для «азиатских тигров» значимым является образование (Barr, 2014; Rothacher, 1993). Для латиноамериканских стран важны факторы, связанные с организацией политических партий: структура, уровень централизации, контроль над финансами и т. д. (Morgenstern, Siavelis, 2008). В России большую роль в политической карьере играет предыдущий опыт в представительных и административных органах власти, а также в бизнесе (Тев, 2021).

Для Ближнего и Среднего Востока характерен учет неопатримониальных факторов: семейных связей, кумовства, конфессиональной принадлежности, плюс ограниченных возможностей для входа в элиту для тех, кто в ней никогда не был. Помимо этого, большую роль в течение XX века играли армия и социальное происхождение (Assiri, Al-Monoufi, 1988; Faksh, 1976). Для турецких элит значимо влияние профессионализации в бизнесе, образовании, праве, инженерии и опыт работы в правительстве (Szyliowicz, 1971; Sayari, Hasanov, 2008).

Важно упомянуть и о рекрутировании элит в коллегии выборщиков. Максимально близким примером можно считать Коллегию кардиналов Святого престола, где на количество, географическое и социальное происхождение кардиналов влияла политическая ситуация в Европе, отдельные группы интересов, а также политические конфликты в самом Папском государстве (Baumgartner, 2003; Vis-

segliа, 2019). В этом случае большая часть кардиналов вплоть до 1939 года была итальянцами (60–80%), позднее началась интернационализация Коллегии, и доля итальянцев снизилась до 25%, далее колебалась в диапазоне до 38%, но при этом росла доля представителей европейских и латиноамериканских стран (Broderick, 1987).

Также показательный исторический пример — Большой совет Венеции, избрание в который определялось социальным, экономическим и политическим капиталом, а также семейными связями (Manin, 1997). К современным примерам можно отнести Законодательные советы Макао и Гонконга, выборы в них устроены как комбинация корпоративных и территориальных методов, где существуют мощные группы не только пропекинских, но и продемократических депутатов (Jang, 2018; Wong, 2010).

Исследования иранских элит можно разделить на несколько групп. Важнейшим из исследований элиты до Исламской революции является работа Марвина Зониса, посвященная формальной структуре и ценностям высшей элиты страны. В ней он фиксирует высокий уровень цинизма и политической подконтрольности элиты шаху (Zonis, 1976).

Если же говорить про исследования иранских элит после Исламской революции, то одни ученые фокусируются на формальном и неформальном разделении властей в политических институтах Ирана, описывая влияние внутреннего круга Верховного руководителя (Buchta, 2000; Thaler et al., 2009). Другие анализируют размежевания внутри иранской элиты: идеологические (Akhavi, 1987; Malek, 1989; Behrooz, 1991; Rakel, 2008), структурные (Golkar, 2016) или клановые (Мамедова, 2016). Они показывают, как конкретно устроены межэлитные размежевания, выделяют элитные группы, основанные на критериях идеологии, принадлежности к определенной социальной страте, профессии или клану. К этим исследованиям примыкают работы, анализирующие межэлитные конфликты в Иране и связанные с этими конфликтами трансформации политической системы страны (Kazemzadeh, 2008; Mozaffari, 1993; Siavoshi, 1992; Vakili-Zad, 1994).

Помимо этого, существует ряд исследований, так или иначе затрагивающих иранский парламент, в которых отмечается секуляризация его состава, рост доли депутатов с высшим образованием, а также институционализация в нем политических фракций (Alem, 2011; Baktiari, 1996).

Иранское шиитское духовенство

Работы, посвященные иранскому шиитскому духовенству, также можно разделить на две большие группы. Первая концентрируется скорее на роли духовенства в политических процессах, протестах и революциях. Исследования из второй сфокусированы на структуре духовенства, эволюции его норм и практик.

Из исторических работ ключевыми можно считать исследования Саида Аржоманда. Его работа про домодерновый Иран посвящена взаимоотношениям ши-

итского духовенства, политического порядка и социальным институтам в Иране до 1890 года (Arjomand, 1984a). Через призму неовеберианского подхода он показал, как духовенство трансформировало сефевидскую цезарепапистскую монархию в дуалистическую каджарскую, что сделало шиитские институты независимыми от государства. В будущем это разделение политической и иерократической власти послужило основой для участия духовенства в Табачном движении 1890–1892⁵ годов и Конституционной революции⁶ 1905–1911 годов (Arjomand, 2018a). Внутренние изменения в шиитском духовенстве также можно проследить через их участие в масонских ложах в XIX — начале XX века (Арабаджян, 2020).

Другой значимый блок исторических работ освещает роль шиитского духовенства в политической мобилизации начиная с Табачного движения (Arjomand, 2018a; Bakhash, 1984; Moazzami, 2013; Skocpol, 1982; Дорошенко, 1998). Они фиксируют, что духовенство всегда так или иначе активно действовало во время крупных протестных движений и революций в Иране, в частности, именно духовенство выступало за появление в Иране Конституции, за создание сильного, независимого парламента, а также демократизацию страны в начале XX века.

Шиитское духовенство стремилось создать конституционное правление, чтобы защитить ислам в стране. Оно обосновывало его необходимостью ограничить власть правительственных и государственных институтов согласно нормам шариата. Духовенство активно участвовало как в самой революции, так и в создании первых послереволюционных законодательных актов, связанных с процедурным правом, а шариат рассматривался как ограничитель государства и законодательства (Arjomand, 2018a).

Именно духовенство в результате политического конфликта начала 1960-х годов встало во главе антишахской оппозиции. Его усиление было связано с ослаблением светской оппозиции, а также идеологической революцией внутри него, о чем будет сказано далее. В 1950-е годы протестная мобилизация проходила через политические партии, университеты, рабочие места (фабрики, базар). К началу 1960-х во время антишахских протестов политические партии типа Национального фронта были ослаблены, а государственные репрессии затронули относительно широкие слои населения. В результате протестующие мобилизовывались в основном в университетах и на базаре, а сами протестные действия координировались

5. Табачное движение 1890–1892 гг. представляло из себя антишахскую коалицию из духовенства и базарных торговцев против табачной концессии, которую Насер ад-Дин Шах даровал Британской империи. Движение добилось успеха, и концессия была отменена. Само оно стало считаться первым проявлением гражданского общества в Иране. Детали см.: Keddie, 1966.

6. Персидская конституционная революция 1905–1911 гг. представляла собой революцию, целями которой было ослабление шаха, создание Конституции и политическая либерализация в стране. Ее вела коалиция, состоящая из части духовенства, светских левых и либеральных интеллектуалов, базарных торговцев и студентов. Революция закончилась успехом, по ее итогам в стране появились Конституция, Меджлис (Парламент), по крайней мере официально было объявлено, что иранцы имеют права и свободы. Детали см.: Bayat, 1991.

через мечети. Тот же шаблон действий повторился в 1977–1978 годах, что повлияло на исход Исламской революции (Parsa, 1994).

Идеологическая революция, по мнению Аржоманда (Arjomand, 2018b), состояла в том, что духовенство превратило ислам в идеологию, фундаментом которой стала новая теория теократического правления. До 1960-х считалось, что властью должны обладать не светские правители, и не улемы — поскольку никто из них не безгрешен, а непогрешимые имамы (вила аль-имама). В 1960-е произошла трансформация — право принимать решения по отдельным проблемам, таким как наказание по святому закону, судейство, развод в случаях, когда муж исчезал, и некоторым другим, перешло к факихам, исламским юристам (веляйтэ хисбийя). Так, к концу 1960-х право перешло от имамов к юристам, но в очень конкретных и определенных случаях.

В начале 1970-х изгнанный из Ирана аятолла Рухолла Хомейни, стремящийся свергнуть шаха, решил пойти дальше в развитии этой теории. Он предложил общую доктрину исламского правления (веляйт-е факих), согласно которой во время отсутствия Скрытого Имама править должен факих. Это интерпретировалось как аналог гоббсианского «Левиафана», где Сувереном был факих, при этом сама эта теория самосекуляризует ислам в восприятии самих шиитов (Namazi, 2019). Ее можно рассматривать и как некое подобие шмиттианского подхода, поскольку она позволяет перенести шиитское право из независимых семинарий в современное государство (Brännström, 2022).

Шиитское духовенство во время Исламской революции воспользовалось наработанными в 1960–1970-е годы организационными и культурными преимуществами, использовав сети, шиитские мифы и антишахские политические идеи для мобилизации, а также координирования протестов. Идеология Хомейни и его окружения, позаимствовавшего у левых часть риторики и идей, позволила духовенству возглавить протесты и стать ключевым игроком в антишахской коалиции (Skocpol, 1982; Foran, 1994).

После Исламской революции 1979 года политическая элита Ирана разделилась на две фракции: консерваторов и радикальных левых (Rakel, 2008; Siavoshi, 1992). Обе основывались на веляйт-е факих, только интерпретировали их по-разному. Если консерваторы поддерживали традиционные экономические секторы, выступали за большие ограничения индивидуальных свобод и были частично за диалог с США, то левые выступали за госконтроль над экономикой, сравнительно небольшие ограничения индивидуальных свобод и за изоляцию страны. Эта конструкция перестала существовать в 1989 году после смерти аятоллы Хомейни (1989), конституционного референдума (1989) и окончания Ирано-иракской войны 1980–1988 годов. Также важно отметить, что в период между 1979 и 1983 годом в Иране были уничтожены все оппозиционные партии и движения, а ключевую роль в стране стала играть Исламская республиканская партия (1979–1987), также позднее распущенная в связи с внутренними конфликтами (Razavi, 2010).

На следующем цикле 1989–1997 годов на арену вышла фракция прагматиков, чьим ключевым представителем был президент Акбар Хашеми Рафсанджани (1989–1997). Ее члены выступали за рыночную экономику, ограниченное уменьшение свобод и интеграцию в международные процессы. Ее возникновение связано с либерализацией политического режима в Иране, началом приватизации и ослаблением государственного сектора экономики в целом, а также с необходимостью восстановления экономики страны после войны (Rakel, 2008). В этот период не было активных партий, их роль выполняли квазиполитические организации: консервативная «Ассоциация воинствующего духовенства» и прагматистская «Организация борющегося духовенства» (Mohammadighale-taki, 2012).

В 1997 году в связи с победой на президентских выборах Мохаммада Хатами конфигурация политических элит снова сильно изменилась. Во-первых, радикальные левые превратились в реформаторов, которые стали выступать за частичное ограничение принципов веляят-е факих, рыночную экономику, индивидуальные свободы и интеграцию в существующий мировой порядок (Rakel, 2008). Тогда же в стране оформилась современная партийная система, представляющая из себя большие коалиции партий, кокусов, профсоюзов, формирующиеся под конкретные выборы. Эти коалиции, соответственно, могут быть реформаторскими, прагматистскими или консервативными (Razavi, 2010).

После 1997 года структура партийной системы принципиально не менялась, единственным серьезным новшеством после 2005 года стало возникновение новой фракции — неоконсерваторов, отделившихся от консерваторов. Их позиции во многом совпадают с консерваторами, но в большей степени ориентированы на традиционные экономические сектора, значительные ограничения индивидуальных свобод и на международную изоляцию (Rakel, 2008). При этом консерваторы также делятся на умеренных, традиционалистов и неоконсерваторов, в зависимости от их политических приоритетов. Умеренные поддерживают конкуренцию на выборах, публичную дискуссию, не ставящую под сомнение основы государственности республики. Традиционалисты выступают в поддержку концепции развития Ирана как Исламской Республики, опираются на Верховного лидера Ирана Хаменеи. Они выступают за усиление госконтроля, роли духовенства в управлении страной, стремятся отдалиться от Запада (Богачева, 2022).

Если же говорить об общей трансформации иранского духовенства после Исламской революции, то оно модернизировалось и бюрократизировалось. Религия стала формой символического капитала, в результате чего государство выполняет функцию его распределителя. Это, в свою очередь, привело к изменениям внутри духовенства: мечети стали местом рекрутирования в ополчение Корпуса стражей Исламской революции Басидж; сами мечети стали управляться Комитетом по делам мечетей и Советом по политике пятничных молитв. Помимо этого, государство установило жесткий контроль над духовенством по-

средством Специального духовного суда и 83-й бригады имама Садыка, которые борются с несогласными в семинариях; духовенство также начало курировать религиозные благотворительные квазигосударственные организации (Khalaji, 2011; Künkler, 2013).

Группа исследований (Schahgaldian, 1989; Kalantari, 2021), фокусирующаяся на нормах и практиках иранского духовенства, доказывает, что шиитское духовенство по факту является тотальным институтом. Оно жестко иерархизировано, во время обучения отделено от обычных гражданских лиц, также придерживается специализированных норм, разделяемых только ими.

К этим нормам относятся *такийя*, *танфийе* и *чехеле*. *Такийя* (религиозное лицемерие) это кодекс поведения, возникший еще в VIII веке для защиты от религиозных преследований со стороны суннитов. Лицемерие и обман считаются допустимыми, если высказывание правды влечет за собой опасность для жизни и собственности конкретных мулл. В XX веке *такийя* была инструментом политической борьбы, позволяя антишахски настроенному духовенству создавать тактические союзы с политическими оппонентами и менять по необходимости свою позицию.

Танфийе, второй важнейший принцип, состоит в том, что при необходимости можно бездействовать, не выполняя свои обязанности. Это бездействие может происходить в случаях, если его действия приведут к катастрофе, подвергнут личной опасности и т. д. В случае политической борьбы бездействие позволяет снижать риски, а также сохранять минимальную активность во время интенсивных политических конфликтов.

Чехеле, или 40-дневный цикл, выполняет похожую функцию. Во время этого цикла шиитский мулла полностью отказывается от своих повседневных обязанностей на 40 дней, он размышляет о своей жизни, переосмысливает свои идеи и строит планы на будущее. Однако важно отметить, что *танфийе* могут практиковать большинство мулл среднего уровня, а *чехеле* — только избранные, с наибольшей репутацией и влиянием.

Совет экспертов как политический институт

Совет экспертов представляет из себя коллегия выборщиков, состоящую целиком из духовенства. Его возникновение связано с идеологией *веляят-е факих*. Изначально он создавался для редактирования и доработки Конституции ИРИ, однако в процессе дискуссии получил функции, которые будут описаны ниже. Его основными целями стали контроль над деятельностью Верховного руководителя и выборы нового в случае, если нынешний по тем или иным причинам не может исполнять свои обязанности (Shevlin, 1998).

Согласно статье 107 Конституции 1979 года (Ramazani, 1980), Верховный руководитель избирается Советом экспертов. 108-я статья уточняет, что закон касательно правил избрания, количества, внутреннего регулирования сессий

С. и т. д. должен быть написан юристами Наблюдательного совета, и за него должно проголосовать большинство его членов, после чего он должен быть одобрен Верховным руководителем. Все последующие изменения в этот закон вносятся самим Советом экспертов. Статья 111 фиксирует условия отстранения членов С. и Верховного руководителя от обязанностей: невозможность исполнять обязанности или потеря квалификации. Помимо этого, Совет экспертов надзирает за деятельностью Верховного руководителя. Важно также отметить, что формально лидер и члены Совета экспертов равны перед законом так же, как и все остальные граждане страны (ст. 112). Первые выборы в Совет экспертов прошли в 1983 году.

После конституционного референдума 1989 года часть статей была скорректирована. В частности, в статье 111 условия отстранения от должности относятся только к Верховному руководителю. Также в ней была прописана процедура назначения нового Верховного руководителя.

Во время выборов в третий С. (1999–2007) на участие в выборах в него подали заявки светские кандидаты, однако они были отклонены. Тогда же все члены Наблюдательного совета анонсировали свое участие в выборах в СЭ. И одновременно Наблюдательный совет дисквалифицировал много других кандидатов. Во время выборов в четвертый С. (2007–2016) Наблюдательный совет позволил участвовать в выборах женщинам и светским кандидатам, однако позже дисквалифицировал их за несоответствие исламским принципам (Farhi, 2014).

На практике Совет экспертов никогда не оспаривал и не ставил под сомнение деятельность Верховного руководителя, хотя отдельные члены могли выражать недовольство проводимой политикой (Farhi, 2014). Если не учитывать локальных скандалов, С. не участвовал серьезно в конфликтах и не проявлял себя как политический институт, активно влияющий на ситуацию в стране.

Совет экспертов состоит из руководящего совета и шести комиссий. Члены руководящего совета избираются с помощью тайного голосования на два года; к ним относятся председатель, два вице-председателя, два секретаря, два помощника. С момента создания С. сменилось пять председателей, при этом первый, Али Мешкини, возглавлял его с 1983 по 2007 год. После смерти в 2014 году его преемника, Акбара Хашеми Рафсанджани, началась борьба за власть в СЭ, в процессе которой председатели в течение трех лет менялись каждый год, до тех пор пока в 2016 году им не стал аятолла Ахмад Джаннати, занимающий эту должность по сей день (Farhi, 2014).

Если же смотреть на частоту переизбрания (см. табл. 1), то доля переизбранных дважды составляет стабильно ~52%, трижды и более — ~30%. Такая динамика свидетельствует о сравнительно высоком уровне преемственности среди членов СЭ.

В целом можно сказать, что Совет экспертов институционально представляет из себя коллегию выборщиков с относительно стабильным составом, высоким формальным уровнем влияния на Верховного руководителя Ирана. Однако фактически он мало влияет на политические процессы в стране.

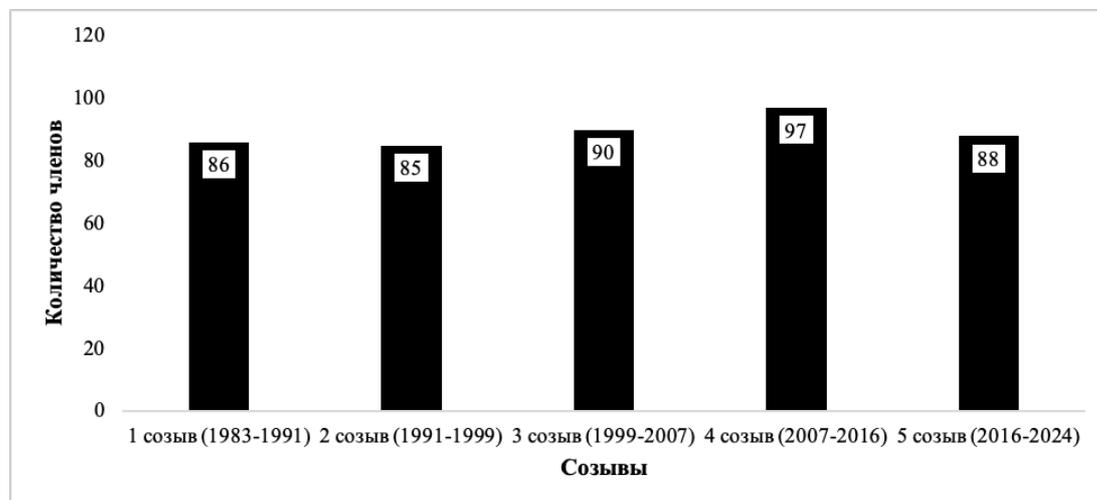

Рис. 1. Структура созывов Совета экспертов Ирана, 1983–2024 гг., чел.

Общее количество членов СЭ колебалось в диапазоне 85–90 человек (см. рис. 1). Рост количества членов в 3-м и 4-м созывах связано со смертями их предшественников и проведением перевыборов в Совет.

Таблица 1. Доля членов Совета экспертов Ирана по частоте переизбрания, 1983–2024 гг., %

	2 раза	3 и более раз
2 созыв (1991–1999)	53	0
3 созыв (1999–2007)	55	31
4 созыв (2007–2016)	51	29
5 созыв (2016–2024)	51	32

Возраст

Возраст является одним из значимых показателей, отражающих внутриэлитную динамику. В целом исследования показывают, что в парламентах представлены в основном возрастные депутаты, сравнительно молодые, до 35–40 лет представлены гораздо меньше, их доля составляет 20–40% (Stockemer, Sundström, 2018; Magni-Berton, Panel, 2021).

Распределение членов СЭ по возрасту (см. рис. 2) показывает ту же долю возрастных политиков. Даже в 1-м созыве количество членов старше 50 лет составляло 70%. Этот тренд может быть связан с общим старением иранского духовенства, а также с ограниченными социальными лифтами, которые могли бы позволить занять места в Совете экспертов более молодым муллам.

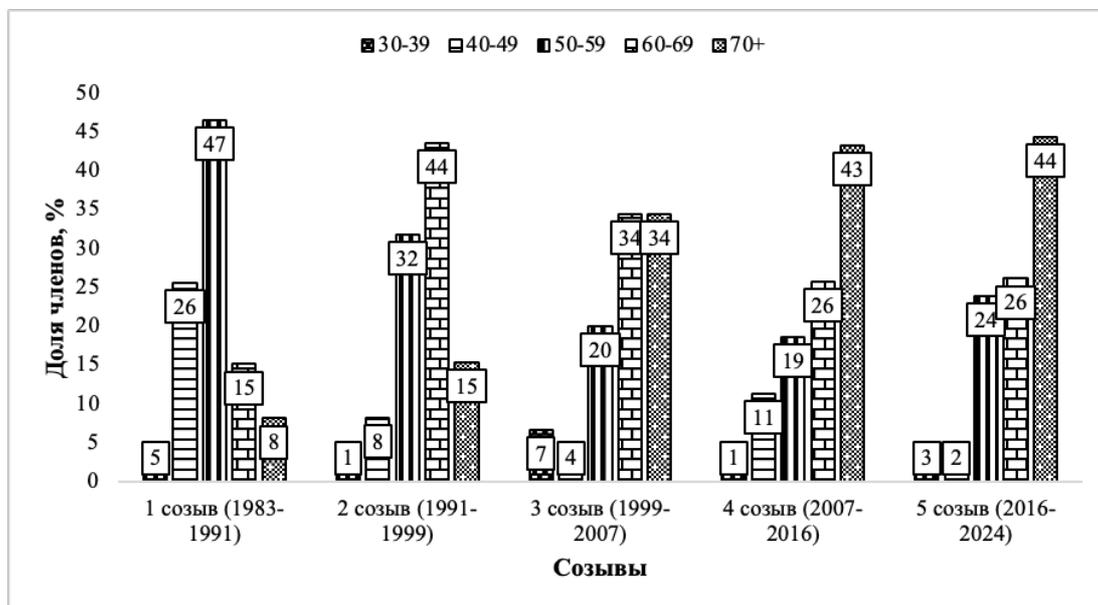

Рис. 2. Распределение членов Совета экспертов Ирана по возрасту, 1983–2024 гг., %

Принадлежность к политическим организациям

Политическая аффилиация также является важным индикатором изменений в Совете экспертов. Двумя ключевыми непартийными организациями являются Ассоциация воинствующего духовенства (АВД) и Общество преподавателей семинарии Кума (ОПСК) — именно доля их членов стабильно составляла 70–100%, за исключением 3-го созыва, где к АВД принадлежали 54% членов (см. табл. 2). ОПС. не участвовало в выборах 1998 года, протестуя против дисквалификации своих кандидатов Наблюдательным советом.

При этом важно понимать принципы организации партийной системы Ирана. АВД и ОПС. как организации духовенства существуют бессрочно, классические же партии, т. е. все остальные, создаются под конкретные выборы и распускаются перед новыми, чтобы продолжить работу под другим названием.

Члены реформаторских или умеренных партий появились в СЭ начиная с 3-го созыва. Изначально их доля составляла 13%, но в 5-м созыве достигла 63%. Важно отметить, что все партии, присутствовавшие в СЭ, существуют один избирательный цикл, затем их сменяют другие, создающиеся под конкретные выборы.

Если взглянуть на политическую аффилиацию не по организациям, а по фракциям (см. рис. 3), то можно отметить долгосрочный тренд уменьшения доли консерваторов за счет роста доли умеренных и реформаторов. Так, в первых двух созывах большинство членов были консерваторами (76–100%), то появляются

умеренные и реформаторы, которые постепенно увеличивают свое присутствие с 13 до 63%. При этом у части членов СЭ по две-три аффилиации, и их доля растет от созыва к созыву, начиная с 3-го.

Таблица 2. Политическая аффилиация членов Совета экспертов Ирана по политическим организациям, 1983–2024 гг., %

	Ассоциация воинствующего духовенства	Общество преподавателей семинарии Кума	Прорабы созидания	Эксперты и эффективность	Партия национального доверия	Эксперты народа
1 созыв (1983–1991)	76	70	0	0	0	0
2 созыв (1991–1999)	100	100	0	0	0	0
3 созыв (1999–2007)	54	0	13	0	0	0
4 созыв (2007–2016)	70	70	0	29	26	0
5 созыв (2016–2024)	75	73	0	0	0	63

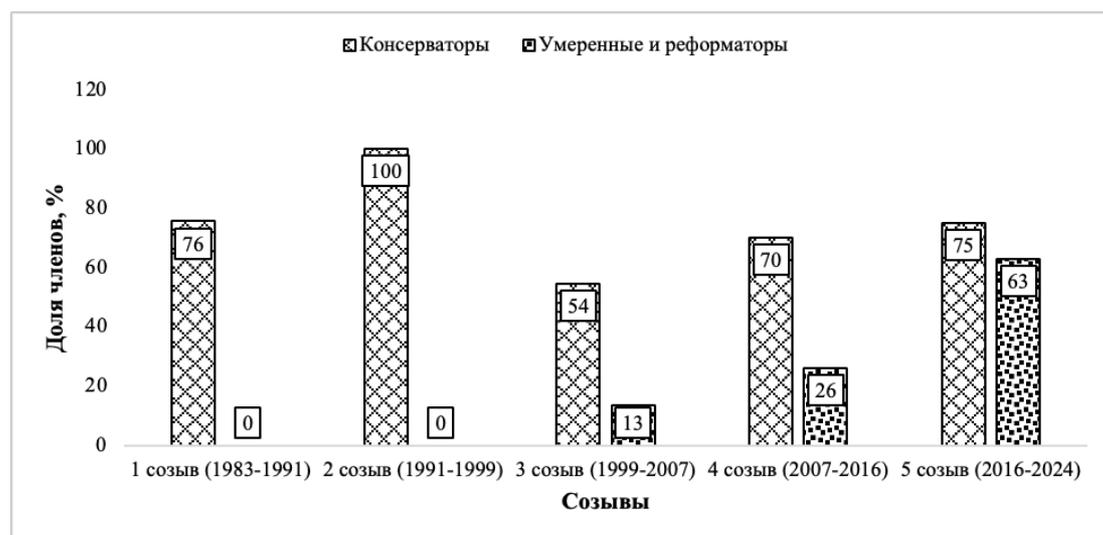

Рис. 3. Политическая аффилиация членов Совета экспертов Ирана, 1983–2024 гг., %

Динамика политической плюрализации может быть объяснена долгосрочной трансформацией политического режима страны в целом: после 1989-го, а особенно между 1997 и 2005 годами был принят новый закон о партиях, серьезно ослабляющий ограничения на участие в выборах для внутрисистемных кандидатов с более разнообразными позициями. После 2005 года либерализация режима была свернута, однако новые группы интересов, созданные ею, остались в политическом поле (Razavi, 2010).

Образовательные траектории членов Совета экспертов

После Исламской революции происходила интеллектуальная эмиграция, в процессе которой страну покидали наиболее вестернизированные и образованные группы (Mossayeb, Shirazi, 2006). Помимо этого, само высшее образование массовизировалось и исламизировалось (Nabibi, 2015; Mojab, 1991). Но важно отметить, что высшее образование в целом очень престижно в Иране, и академическая профессия занимает высший ранг среди всех прочих профессий (Abdollahyan, Navebi, 2009).

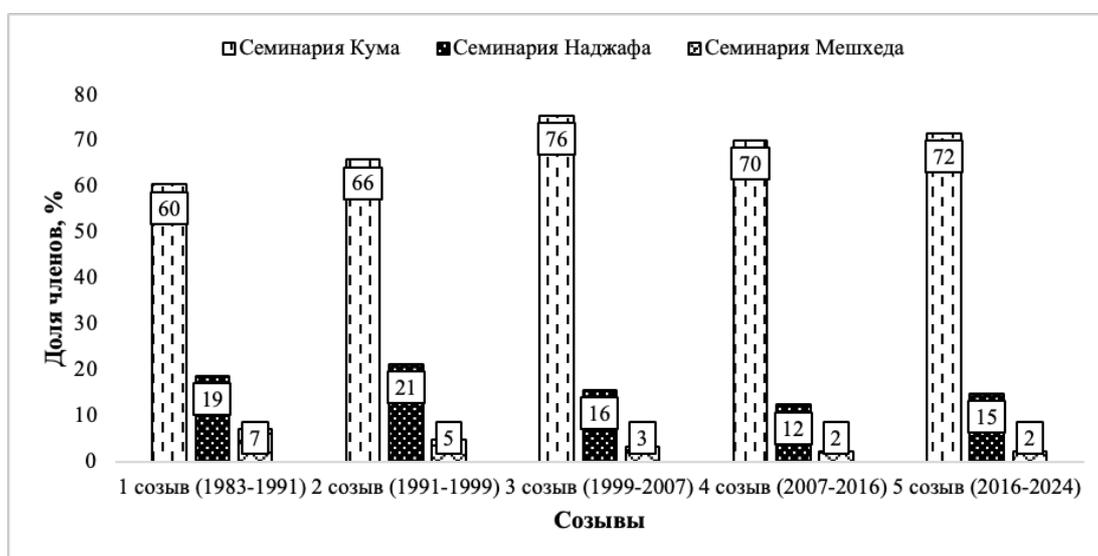

Рис. 4. Религиозное образование членов Совета экспертов Ирана по семинариям, 1983–2024 гг., %

В Иране действует сеть духовных семинарий, на данный момент их около 80. Важнейшей из них считается Семинария Кума, центр шиитской теологии. Другой известный центр — Семинария Наджафа в Ираке. Как видно по результатам анализа (см. рис. 4), именно в этих двух семинариях обучалось большинство членов Совета экспертов (60–76%). Есть также выпускники Семинарии Мешхеда, однако их доля составляет 2–7% в зависимости от созыва СЭ.

Доля членов Совета экспертов с высшим светским образованием непрерывно росла начиная со 2-го созыва. И если на тот момент в нем было только 2% бакалавров, то к 5-му созыву их уже 23%, магистров — 22%, PhD — 18% (см. рис. 5). Эти результаты свидетельствуют о повышении престижа светского образования, в том числе среди иранского духовенства, а также о том, что оно в целом не изолировано от трендов, связанных с распространением высшего образования.

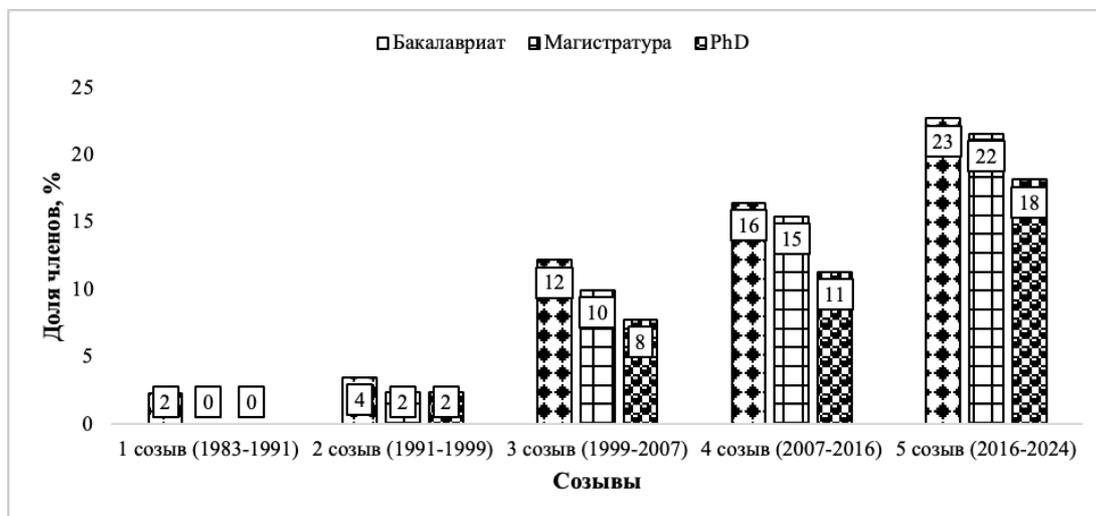

Рис. 5. Светское образование членов Совета экспертов Ирана по уровням образования, 1983–2024 гг., %

Важно также отметить, что практически ни у кого из членов всех созывов Совета экспертов нет западного образования. Исключений всего два. Это Мохсен Араки Мохаммади, член СЭ 2-го, 3-го и 5-го созывов, он учился на PhD программе в Университете Портсмута, Британия. Вторым исключением стал бывший президент Ирана Хасан Роухани (2013–2021), член 3–5-го созывов СЭ, окончил магистратуру и получил PhD по конституционному праву в Glasgow Caledonian University. Два члена СЭ получили образование в Пакистане: Мохаммад Эшхак Мадани (1–3-й созывы) и Али Ахмад Салами (4–5-й созывы).

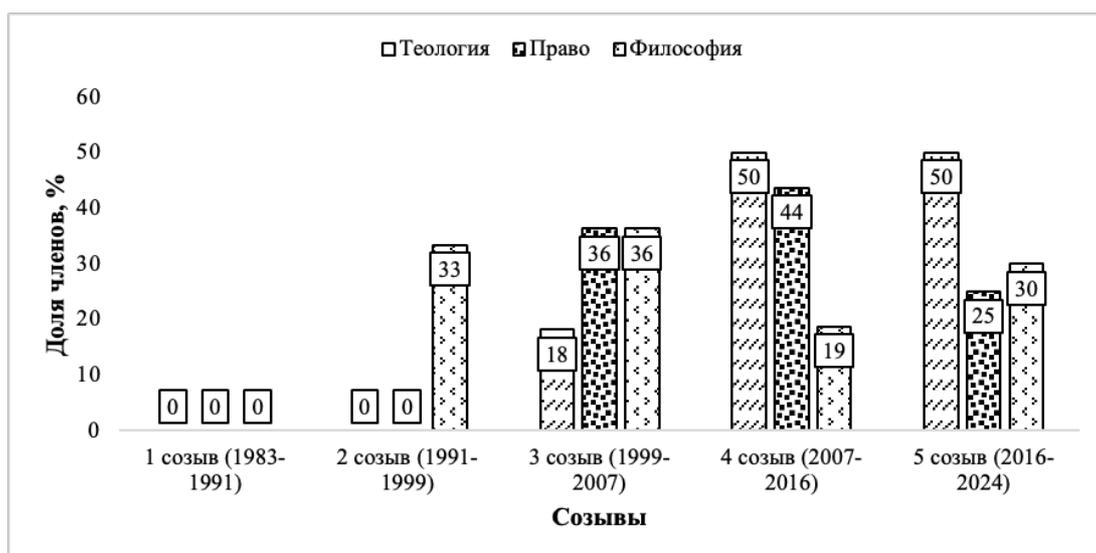

Рис. 6. Светское образование членов Совета экспертов Ирана по специальностям, среди имеющих как минимум одну степень светского университета, 1983–2024 гг., %

Что касается специализаций, то в СЭ три ключевые из них — это право, философия и теология. При этом если во 2-м созыве у его членов было только юридическое образование, то начиная с 4-го созыва 50% уже имеют теологическое образование, полученное в светском университете. Доля юристов и философов колеблется между 19 и 44%, среди них был экономист Али Ахмад Салами (4–5-й созывы), получивший степень магистра экономики в Университете Карачи. Также можно вспомнить Мохсена Куми (3–5-й созывы), получившего степень бакалавра по наукам об образовании в Университете юридических наук и административной службы филиала города Кум.

Подобную ситуацию можно объяснить двумя факторами. Во-первых, при отборе на уровне Наблюдательного совета оставались кандидаты только с соответствующей квалификацией. Во-вторых, духовенство в силу своего первоначального образования, полученного в семинарии, более склонно изучать философию, теологию и право, которые максимально пересекаются с образовательными программами семинарий.

Региональное происхождение

Анализ регионального происхождения членов СЭ показывает, что выходцы из 9 из 31 иранских провинций составляют 49–64% членов Совета экспертов в зависимости от состава. Этими провинциями являются Исфахан, Восточный Азербайджан, Керман, Мазендаран, Фарс, Хорасан-Резави, Гилян, Кум и Семнан (см. табл. 3).

Таблица 3. Региональное происхождение членов Совета экспертов Ирана, 1983–2024 гг., %

	1 СОЗЫВ (1983– 1991)	2 СОЗЫВ (1991–1999)	3 СОЗЫВ (1999–2007)	4 СОЗЫВ (2007–2016)	5 СОЗЫВ (2016–2024)
Исфахан	14	15	13	10	11
Восточный Азербайджан	9	12	9	8	7
Керман	5	4	4	4	6
Мазендаран	6	6	4	4	5
Фарс	6	7	6	8	8
Хорасан-Резави	8	5	4	6	9
Гилян	6	6	4	5	3
Кум	7	6	1	4	9
Семнан	1	1	4	5	5
Всего	64	62	49	54	63

Высокая доля выходцев из провинции Исфахан (10–15%) может быть объяснена тем, что город Исфахан был столицей Персии (1598–1736) во время династии Сефе-

видов (1501–1736), и накопленный социальный, культурный, религиозный и другие капиталы послужили основой для создания сильных социальных связей между элитами страны. Помимо этого, Исфахан является вторым крупнейшим городом в стране, с развитыми промышленностью, образованием и культурой, что также может объяснить его значимую роль как места происхождения членов Совета экспертов.

Присутствие Восточного Азербайджана на втором месте (7–12%) может быть объяснено тем, что аятолла Али Мешкини, первый председатель Совета экспертов (1983–2007), сам происходил из этой провинции и, видимо, стремился поддерживать своих земляков. По той же причине заметна доля выходцев из Кермана (4–6%): Акбар Хашеми Рафсанджани, президент Ирана в 1989–2007 годы и председатель Совета экспертов в 2007–2011 годы., именно из этой провинции.

Странным, однако, выглядит минимальное присутствие мулл, рожденных в Тегеране, притом что Тегеран — столица страны, является важнейшим политическим, культурным и экономическим центром. Возможно, это связано с тем, что важнейшие религиозные центры шиитов — это город Кум в Иране и Наджаф в Ираке, где расположены самые престижные семинарии. Для того чтобы использовать религиозный социальный капитал, относительно светские социальные связи современного и технократического Тегерана не столь эффективны. Однако и доля выходцев из Кума сравнительно мала — 1–9% в зависимости от созыва, и это притом что он является ключевым религиозным центром страны.

Заключение

Совет экспертов является иранской коллегией выборщиков, состоящей целиком из духовенства. Его институциональные полномочия сравнительно велики и связаны с контролем над деятельностью Верховного руководителя Ирана.

Исследование показало, что в Совете экспертов происходят частичные изменения, которые, однако, носят ограниченный характер. Ключевым можно считать распространение в среде иранского шиитского духовенства светского образования. Второе по важности изменение — увеличение доли умеренных и консерваторов, с большой долей духовенства, принадлежащего одновременно обеим фракциям.

Большинство членов СЭ получило образование в семинариях Кума и Наджафа, незначительно присутствие выпускников семинарии Мешхеда. Западное образование является исключением из правил. Специализация полученного в светских университетах образования ограничивается правом, философией и теологией.

Более половины членов СЭ выходцы из 9 провинций Ирана, что может свидетельствовать о влиянии неопатримониализма и кумовства при отборе кандидатов на выборы в Совет экспертов.

В целом можно сказать, что иранское духовенство в Совете экспертов сравнительно мало изменчиво. Однако растет доля членов с высшим образованием,

что свидетельствует о воздействии на него изменений в Иране в целом. Вместе с тем значимую роль в рекрутировании элит в СЭ также играют патримониальные связи и статус семинарий, где его члены получали религиозное образование.

Относительная устойчивость к изменениям Совета экспертов может быть объяснена несколькими факторами. Во-первых, в его состав входит исключительно духовенство, которое всегда меняется значительно медленнее, чем остальные социальные группы. Во-вторых, Совет экспертов избирается на большой срок (8 лет), что приводит к более редкой ротации его членов, по сравнению, например, с Меджлисом. В-третьих, значимым фактором могут быть ограничительные правила Наблюдательного совета, отсекающие потенциально конкурентных кандидатов на выборах.

В заключение подчеркнем ограничения данного исследования. Во-первых, оно является обзорным и не претендует на полноту анализа. Во-вторых, из-за отсутствия полноценных открытых данных оно не позволило нам отследить патримониальные и клановые связи. При использовании инструментов сетевого анализа это может стать предметом отдельного исследования.

Литература

- Арабаджян З. А.* (2000). Шиитское духовенство в рядах иранских масонов // *Minbar. Islamic Studies*. 2020. Т. 13. № 1. С. 13-37.
- Богачева А. С.* (2022). Президентская кампания 2021 в Иране: победа консерваторов на фоне системного кризиса // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. № 3. С. 89-100.
- Дорошенко Е. А.* (1998). Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. М.: ИВ РАН.
- Дунаева Е. В.* (2013). Иран: религиозные организации на политическом поле // *Азия и Африка сегодня*. № 7. С. 29-35.
- Дунаева Е. В.* (2018). Шиитское духовенство в политической жизни современного Ирана // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 11. № 4. С. 169-189.
- Мамедова Н. М.* (2016). Иран: особенности формирования политической элиты // *Восток (Oriens)*. № 1. С. 121-127.
- Тев Д. Б.* (2021). Члены Совета Федерации: карьера до вхождения в должность и после прекращения полномочий // *Мир России*. Т. 30. № 4. С. 53-78.
- Филин Н. А.* (2008). Совет экспертов в политической системе Ирана // *Азия и Африка сегодня*. №. 6. С. 60-61.
- Филин Н. А.* (2014). Система религиозного наставничества в трансформациях социальной реальности современного Ирана // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*. № 1. С. 219-226.

- Филин Н. А. (2021). Религиозный статус Рухоллы Хомейни в современном Иране // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 3. С. 134-143.
- Abdollahyan H., Nayebi H. (2009). Conceptualizing Occupational Prestige: An Empirical Case Study from Iran // Asian Journal of Social Science. Vol. 37. № 2. P. 192-207.
- Akhavi S. (1987). Elite factionalism in the Islamic Republic of Iran // Middle East Journal. Vol. 41. № 2. P. 181-201.
- Alem Y. (2011). Duality by design: the Iranian electoral system. IFES.
- Arjomand S. (1984a). The Shadow of God and the Hidden Imam: religion, political order, and societal change in Shi'ite Iran from the beginning to 1890. Chicago: University of Chicago Press.
- Arjomand S. (1984b). Traditionalism in Twentieth-century Iran // From Nationalism to Revolutionary Islam / S. Arjomand (ed.). MacMillan Press. P. 195-232.
- Arjomand S. (2012). The Kingdom of Jurists: Constitutionalism and the Legal Order in Iran // Constitutionalism in Islamic countries: Between Upheaval and Continuity / R. Grote, T. Roder (eds.). Oxford: Oxford University Press. P. 147-169.
- Arjomand S. (2018a). Shi'ite Jurists and Iran's Law and Constitutional Order in the Twentieth Century // Sociology of Shi'ite Islam: Collected Essays / S. Arjomand (ed.). Brill. P. 257-297.
- Arjomand S. (2018b). Ideological Revolution in Shi'ism // Sociology of Shi'ite Islam: Collected Essays / S. Arjomand (ed.). Brill. P. 361-390.
- Arjomand S. (2018c). Shi'ite Islam and the Revolution in Iran // Sociology of Shi'ite Islam: Collected Essays / S. Arjomand (ed.). Brill. P. 391-412.
- Arjomand S. (2018d). Shi'ite Conceptions of Authority and Constitutional Developments in the Islamic Republic of Iran // Sociology of Shi'ite Islam: Collected Essays / S. Arjomand (ed.). Brill. P. 413-441
- Assiri A.-R., Al-Monoufi K. (1988). Kuwait's Political Elite: The Cabinet // Middle East Journal. Vol. 42. № 1. P. 48-58.
- Bakhash S. (1984). Sermons, Revolutionary Pamphleteering, and Mobilization: Iran, 1978 // From Nationalism to Revolutionary Islam / S. Arjomand (ed.). MacMillan Press. P. 177-194.
- Baktiari B. (1996). Parliamentary Politics in Revolutionary Iran: The Institutionalization of Factional Politics. University Press of Florida.
- Barr M. (2014). The ruling elite of Singapore: Networks of power and influence. IB Tauris.
- Baumgartner F.J. (2003). Behind Locked Doors: A History of the Papal Elections. New York: Palgrave Macmillan.
- Bayat M. (1991). Iran's First Revolution: Shi'ism and the Constitutional Revolution of 1905-1909. New York, Oxford: Oxford University Press.
- Behrooz M. (1991). Factionalism in Iran under Khomeini // Middle Eastern Studies. Vol. 27. № 4. P. 597-614.
- Bianco W. (2005). Last Post for "The Greatest Generation": The Policy Implications of the Decline of Military Experience in the U. S. Congress // Legislative Studies Quarterly. Vol. 30. № 1. P. 85-102.

- Blondel J., Thiébauld J.-L.* (eds) (1991). *The Profession of Government Minister in Western Europe*. London: Macmillan.
- Boroujerdi M., Rahimkhani K.* (2018). *Postrevolutionary Iran: A Political Handbook*. Syracuse University Press.
- Brännström L.* (2022). Law's Comprehensiveness and Sovereign Leadership: On the Juridico-political Thinking of Ayatollah Khomeini and Carl Schmitt // *Political Theology*. Vol. 23. № 1-2. P. 75-89
- Broderick J. F.* (1987). The Sacred College of Cardinals: Size and Geographical Composition (1099-1986) // *Archivum Historiae Pontificiae*. № 25. P. 7-71.
- Buchta W.* (2000). *Who Rules Iran. The structure of Power in the Islamic Republic*. The Washington Institute for Near East Policy; Konrad Adenauer Stiftung.
- Carnes N.* (2012). Does the Numerical Underrepresentation of the Working Class in Congress Matter? // *Legislative Studies Quarterly*. Vol. 37(1). P. 5-34.
- Derge D.* (1959). The Lawyer as Decision-Maker in the American State Legislature // *Journal of Politics*. Vol. 21. № 3. P. 408-433.
- Dowding K., Dumont P.* (eds.) (2014). *The Selection of Ministers around the World*. New York: Routledge.
- Edinger L. J., Searing D. D.* (1967). Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry // *American Political Science Review*. Vol. 61. № 2. P. 428-445.
- Faksh M. A.* (1976). Education and Elite Recruitment: An Analysis of Egypt's Post-1952 Political Elite // *Comparative Education Review*. Vol. 20. № 2. P. 140-150.
- Farhi F.* (2014). The Assembly of Experts // *Iran Today: An Encyclopedia of Life in the Islamic Republic*. Vol. 2. P. 48-53.
- Foran J.* (1994). The Iranian Revolution of 1977-1979: A Challenge for Social Theory // *A Century of Revolution: Social Movements in Iran* / J. Foran (ed.) Minneapolis: University of Minnesota Press. P. 160-188.
- Ghiabi M.* (2019). The council of expediency: crisis and statecraft in Iran and beyond // *Middle Eastern Studies*. Vol. 55. № 5. P. 837-853.
- Gieling S.* (1994). The Marja'iyah in Iran and the Nomination of Khamanei in December 1994 // *Middle Eastern Studies*. Vol. 33. № 4. P. 777-787.
- Golkar S.* (2016). Configuration of Political Elites in Post-revolutionary Iran // *Brown Journal of World Affairs*. Vol. 23. № 1. P. 281-292.
- Jang J.* (2018). Parliamentary Representation in the Macau Special Administrative Region: A Quantitative Analysis of Roll Call Voting Behavior in the 5th Legislative Assembly, 2013-2017 // *Contemporary Chinese Political Economy and Strategic Relations: An International Journal*. Vol. 4. № 2. P. 513-555.
- Habibi N.* (2015). Iran's overeducation crisis: causes and ramifications // *Middle East Brief*. Vol. 85. № 89. P. 1-7.
- Higley J.* (2018). Continuities and discontinuities in elite theory // *The Palgrave Handbook of Political Elites* / J. Higley (ed.). London: Palgrave Macmillan. P. 25-39.
- Kalantari M. R.* (2021). *The Clergy and the Modern Middle East: Shi'i Political Activism in Iran, Iraq and Lebanon*. Bloomsbury Publishing.

- Kamrava M.* (2008). *Iran's intellectual revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kazemzadeh M.* (2008). Intra-elite factionalism and the 2004 Majles elections in Iran // *Middle Eastern Studies*. Vol. 44. № 2. P. 189-214.
- Keddie N.* (1966). *Religion and Rebellion in Iran. The Tobacco Protest of 1891-1892*. Frank Cass & Co. LTD.
- Khalaji M.* (2011). Iran's regime of religion // *Journal of International Affairs*. Vol. 65. № 1. P. 131-147.
- Künkler M.* (2013). The Special Court of the Clergy (Dadgah-e Vizheh-ye Ruhaniyat) and the Repression of Dissident Clergy in Iran // *The Rule of Law, Islam, and Constitutional Politics in Egypt and Iran* / S. Arjomand, N. Brown (eds.). New York: SUNY Press. P. 57-100.
- Levitsky S., Way L.* (2010). *Competitive Authoritarianism. Hybrid Regimes After the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Magni-Berton R., Panel S.* (2021). Gerontocracy in a comparative perspective: Explaining why political leaders are (almost always) older than their constituents // *Sociology Compass*. Forthcoming. P. 1-12.
- Malek M.* (1989). Elite factionalism in the post-revolutionary Iran // *Journal of Contemporary Asia*. Vol 19. № 4. P. 435-460.
- Malek-Ahmadi F.* (2015). *Democracy and Constitutional Politics in Iran: A Weberian Analysis*. Palgrave MacMillan.
- Manin B.* (1997). *The Principles of Representative Government*. Cambridge University Press.
- McElroy D., Vahdat A.* (2013). Iranian president Hassan Rouhani 'plagiarised PhD thesis at Scottish university'. URL: <https://web.archive.org/web/20170804173224/http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/iran/10143799/Iranian-president-Hassan-Rouhani-plagiarised-PhD-thesis-at-Scottish-university.html>
- Moazzami B.* (2013). *State, Religion, and Revolution in Iran, 1796 to Present*. Palgrave MacMillan.
- Mohammadighaletaki A.* (2012). *Organizational Change in Political Parties in Iran after the Islamic Revolution of 1979. With Special Reference to Islamic Republican Party (IRP) and the Islamic Iran Participation Front (Mosharekat)*. Durham Theses, Durham University. URL: <http://www.etheses.dur.ac.uk/3507/> (accessed: 06.02.2023).
- Mojab S.* (1991). *The state and university: The "Islamic Cultural Revolution" in the institutions of higher education of Iran, 1980-1987*. PhD Dissertation. University of Illinois at Urbana-Champaign.
- Morgenstern S., Siavelis P.* (2008). Pathways to Power and Democracy in Latin America // *Pathways to Power. Political Recruitment and Candidate Selection in Latin America* / P. Siavelis, P. Morgenstern (eds.). University Park, PA: Pennsylvania State University Press. P. 371-401.
- Mossayeb S., Shirazi R.* (2006). Education and Emigration: The Case of the Iranian-American Community // *Current Issues in Comparative Education*. Vol. 9. № 1. P. 30-45.

- Mozaffari M.* (1993). Changes in the Iranian Political System after Khomeini's Death // Political Studies. Vol. 41. № 4. P. 611–617.
- Namazi R.* (2019). Ayatollah Khomeini: From Islamic Government to Sovereign State // Iranian Studies. Vol. 52. № 1-2. P. 111-131.
- Page E., Wright V.* (1999). Bureaucratic Elites in Western European States: A Comparative Analysis of Top Officials. Oxford: Oxford University Press.
- Parsa M.* (1994) Mosque of Last Resort: State Reform and Social Conflict in the Early 1960s // A Century of Revolution: Social Movements in Iran / J. Foran (ed.). Minneapolis: University of Minnesota Press. P. 135-159
- Putnam R. D.* (1976). The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Rakel E.* (2008). The Iranian Political Elite, State and Society Relations, and Foreign Relations since the Islamic Revolution. Palgrave MacMillan.
- Ramazani R.* (1980). Constitution of the Islamic Republic of Iran // Middle East Journal. Vol. 34. № 2. P. 181–204.
- Razavi R.* (2010). The road to party politics in Iran (1979–2009) // Middle Eastern Studies. Vol. 46. No. 1. P. 79–96.
- Razi G. H.* (1981). Democratic-Authoritarian Attitudes and Social Background in a Non-Western Society: A Study of the Iranian Elite // Comparative Politics. Vol. 14. № 1. P. 53-74.
- Rothacher A.* (1993). The Japanese power elite. Springer.
- Roy O.* (2001). Tensions and Options among the Iranian Clerical Establishment // Iran, Iraq, and the Arab Gulf States / J. Kechichian (ed.). Palgrave MacMillan. P. 13-30
- Sayari S., Hasanov A.* (2008). The 2007 elections and parliamentary elites in Turkey: the emergence of a new political class? // Turkish Studies. Vol. 9. № 2. P. 345-361.
- Schahgaldian N. B.* (1989). The clerical establishment in Iran. Santa Monica, CA: RAND National Defense Research Institute.
- Shevlin N.* (1998). Velayat-e faqih in the constitution of Iran: The implementation of theocracy. // University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law. Vol. 1. № 2. P. 358-382.
- Shirvani F.* (2012). A Different Approach to the Control of Constitutionalism: Iran's Guardian Council // Constitutionalism in Islamic Countries: Between Upheaval and Continuity / Ed. by R. Grote, T. Roder. Oxford: Oxford University Press. P. 279-290.
- Siavoshi S.* (1992). Factionalism and Iranian politics: the post-Khomeini experience // Iranian studies. Vol. 25. № 3-4. P. 27-49.
- Skocpol T.* (1982). Rentier state and Shi'a Islam in the Iranian revolution // Theory and society. Vol. 11. № 3. P. 265-283.
- Stockemer D., Sundström A.* (2018). Age representation in parliaments: Can institutions pave the way for the young? // European Political Science Review. Vol. 10. № 3. P. 467-490.

- Szyliowicz J.* (1971). Elite Recruitment in Turkey: The Role of the Mulkiye // *World Politics*. Vol. 23. № 3. P. 371–398.
- Tabaár M.* (2018). *Religious statecraft: The politics of Islam in Iran*. Columbia University Press.
- Thaler D., Nader A., Chubin S., Green, J., Lynch C., Wehrey F.* (2009). *Mullahs, Guards, and Bonyads: An Exploration of Iranian Leadership Dynamics*. Santa Monica, CA: RAND National Defense Research Institute.
- The Constitution of the Islamic Republic of Iran (1989 Edition) (2014) / F. Papan-Martin (translator) // *Iranian Studies*. Vol. 47. № 1. P. 159–200.
- Vakili-Zad C.* (1994). Conflict among the ruling revolutionary elite in Iran // *Middle Eastern Studies*. Vol. 30. № 3. P. 618–631.
- Visceglia M. A.* (2019). *The Social Background and Education of Cardinals // A Companion to the Early Modern Cardinal* / M. Hollingsworth, M. Pattenden, A. Witte (eds.). Brill. P. 245–259
- Wong S.* (2010). Political connections and firm performance: The case of Hong Kong // *Journal of East Asian Studies*. Vol. 10. № 2. P. 275–314.
- Zang X.* (2004). *Elite dualism and leadership selection in China*. Routledge.
- Zonis M.* (1976). *Political elite of Iran*. Princeton University Press.

Assembly of Experts of the Islamic Republic of Iran: Socio-Demographic and Political Recruitment Factors (1983–2024)

Ilya Vaskin

Senior Lecturer, Junior Research Fellow, Centre for the Study of the Middle East, the Caucasus and Central Asia (CSMECCA), Institute for Oriental and Classical Studies, Faculty of Humanities, HSE University

Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, 101000, Russian Federation

E-mail: ilya.a.vaskin@gmail.com

The article analyses the socio-demographic and political recruitment factors for the Assembly of Experts of Iran from 1983–2024. The Assembly is an electoral college that has constitutional control over the Supreme Leader of Iran, but does not use its powers. The database comprises 446 observations related to 216 persons during 5 Assemblies since 1983. The research method is a structural-biographical analysis. The results of the research show that the Iranian clergy in the Assembly is relatively stable. However, it changes in the national context regarding the political struggle and the massification of higher education. The effect of political struggle demonstrates the expansion of the share of moderate and reformist clergy, which contrasts with the early domination of the conservative faction only. The share of incumbents is quite high, too: approximately half of the Assembly members have been elected at least twice since the second Assembly; approximately a third of them have been elected at least thrice since the third assembly. The educational clerical origin refers to the seminaries of Qom and Najaf, with the minority from the seminary of Mashhad. Secular education also expands among them, achieving 20% for the fifth Assembly. The most frequent specializations received in secular institutions are law, philosophy, and theology. More than half of the members of the Assembly originate from 9 of 31 provinces only, which may be explained by the patrimonial connections of the Assembly's leadership.

Keywords: Assembly of Experts, Iran, elite recruitment, biographical analysis, electoral college

References

- Abdollahyan H., Nayebi H. (2009) Conceptualizing Occupational Prestige: An Empirical Case Study from Iran. *Asian Journal of Social Science*, vol. 37, no 2, pp. 192-207.
- Akhavi S. (1987) Elite factionalism in the Islamic Republic of Iran. *Middle East Journal*, vol. 41, no 2, pp. 181-201.
- Alem Y. (2011) *Duality by design: the Iranian electoral system*, IFES.
- Arabadzhian Z. A. (2020) Shiitskoe dukhovenstvo v riadakh iranskikh masonov [Shiite clergy among Iranian Masons]. *Minbar. Islamic Studies*, vol. 13, no 1, pp. 13-37 (In Russian).
- Arjomand S. (1984a) *The Shadow of God and the Hidden Imam: religion, political order, and societal change in Shi'ite Iran from the beginning to 1890*, Chicago: University of Chicago Press.
- Arjomand S. (1984b) Traditionalism in Twentieth-century Iran. *From Nationalism to Revolutionary Islam*. (ed. S. Arjomand), MacMillan Press, pp. 195-232
- Arjomand S. (2012) The Kingdom of Jurists: Constitutionalism and the Legal Order in Iran. *Constitutionalism in Islamic countries: Between Upheaval and Continuity*. (eds. R. Grote, T. Roder), Oxford: Oxford University Press, pp. 147-169.
- Arjomand S. (2018a) Shi'ite Jurists and Iran's Law and Constitutional Order in the Twentieth Century. *Sociology of Shi'ite Islam: Collected Essays* (ed. S. Arjomand), Brill, pp. 257-297.
- Arjomand S. (2018b) Ideological Revolution in Shi'ism. *Sociology of Shi'ite Islam: Collected Essays* (ed. S. Arjomand), Brill, pp. 361-390.
- Arjomand S. (2018c) Shi'ite Islam and the Revolution in Iran. *Sociology of Shi'ite Islam: Collected Essays* (ed. S. Arjomand), Brill, pp. 391-412.
- Arjomand S. (2018d) Shi'ite Conceptions of Authority and Constitutional Developments in the Islamic Republic of Iran. *Sociology of Shi'ite Islam: Collected Essays* (ed. S. Arjomand), Brill, pp. 413-441.
- Assiri A.-R., Al-Monoufi K. (1988) Kuwait's Political Elite: The Cabinet. *Middle East Journal*, vol. 42, no 1, pp. 48-58.
- Bakhash S. (1984) Sermons, Revolutionary Pamphleteering, and Mobilization: Iran, 1978. *From Nationalism to Revolutionary Islam* (ed. S. Arjomand), MacMillan Press, pp. 177-194.
- Baktiari B. (1996) *Parliamentary Politics in Revolutionary Iran: The Institutionalization of Factional Politics*, University Press of Florida.
- Barr M. (2014) *The ruling elite of Singapore: Networks of power and influence*, IB Tauris.
- Baumgartner F. J. (2003) *Behind Locked Doors A History of the Papal Elections*, New York: Palgrave Macmillan.
- Bayat M. (1991) *Iran's First Revolution: Shi'ism and the Constitutional Revolution of 1905-1909*, New York, Oxford: Oxford University Press.
- Behrooz M. (1991) Factionalism in Iran under Khomeini. *Middle Eastern Studies*, vol. 27, no 4, pp. 597-614.

- Bianco W. (2005) Last Post for “The Greatest Generation”: The Policy Implications of the Decline of Military Experience in the U. S. Congress”. *Legislative Studies Quarterly*, vol. 30, no 1, pp. 85–102.
- Blondel J., Thiébault J-L. (eds.) (1991) *The Profession of Government Minister in Western Europe*, London: Macmillan.
- Bogacheva A. (2022) Presidential campaign 2021 in Iran: conservators victory in the context of a system crisis. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost*, no 3, pp. 89-100. (In Russian)
- Boroujerdi M., Rahimkhani K. (2018) *Postrevolutionary Iran: A Political Handbook*, Syracuse University Press.
- Brännström L. (2022) Law’s Comprehensiveness and Sovereign Leadership: On the Juridico-political Thinking of Ayatollah Khomeini and Carl Schmitt. *Political Theology*, vol. 23, no 1-2, pp. 75-89.
- Broderick J. F. (1987) The Sacred College of Cardinals: Size and Geographical Composition (1099-1986). *Archivum Historiae Pontificiae*, no 25, pp. 7-71.
- Buchta W. (2000) *Who Rules Iran. The structure of Power in the Islamic Republic*, The Washington Institute for Near East Policy; Konrad Adenauer Stiftung.
- Carnes N. (2012) Does the Numerical Underrepresentation of the Working Class in Congress Matter? *Legislative Studies Quarterly*, vol. 37, no 1, pp. 5–34.
- Derge D. (1959) The Lawyer as Decision-Maker in the American State Legislature. *Journal of Politics*, vol. 21, no 3, pp. 408–433.
- Doroshenko Ye. A. (1998) *Shiitskoe dukhovenstvo v dvukh revoliutsiiakh: 1905-1911 i 1978-1979 gg* [Shia Clergy in Two Revolutions: 1905-1911 and 1978-1979], Moscow: Institute for Oriental Studies of the RAS. (In Russian)
- Dowding K., Dumont P. (eds.) (2014) *The Selection of Ministers around the World*, New York: Routledge.
- Dunaeva E. V. (2013) Iran: religioznye organizatsii na politicheskom pole [The Role of Religious Organizations in Political Life of the Islamic Republic of Iran]. *Aziia i Afrika segodnia*, no 7, pp. 29-35. (In Russian)
- Dunaeva E. V. (2018) Shiitskoe dukhovenstvo v politicheskoj zhizni sovremennogo Irana [Shiite Clergy in Iran’s Political Life]. *Kontury global’nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*, vol. 11, no 4, pp. 169-189. (In Russian)
- Edinger L. J., Searing D. D. (1967) Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry. *American Political Science Review*, vol. 61, no 2, pp. 428–445.
- Faksh M. A. (1976) Education and Elite Recruitment: An Analysis of Egypt’s Post-1952 Political Elite. *Comparative Education Review*, vol. 20, no 2, pp. 140–150.
- Farhi F. (2014) The Assembly of Experts. *Iran Today: An Encyclopedia of Life in the Islamic Republic*, no 2, pp. 48-53.
- Filin N. (2008) Sovet ékspertov v politicheskoj sisteme Irana [The Assembly of Experts in the Iranian Political Life]. *Aziia i Afrika segodnia*, no 6, pp. 60-61. (In Russian)
- Filin N. (2014) Sistema religioznogo nastavnichestva v transformatsiakh sotsial’noï real’nosti sovremennogo Irana [System of Religious Emulation in Contemporary Social

- Reality of Iran]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istorii. Mezhdunarodnye otnosheniia. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*, no 1, pp. 219-226. (In Russian)
- Filin N. (2021) "Religioznyĭ status Rukhholly Khomeini v sovremennom Irane [Religious Status of Ruhollah Khomeini in Modern Iran]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost*, no 3, pp. 134-143. (In Russian)
- Foran J. (1994) The Iranian Revolution of 1977-1979: A Challenge for Social Theory. *A Century of Revolution: Social Movements in Iran* (ed. J. Foran), Minneapolis: University of Minnesota Press, pp. 160-188.
- Ghiabi M. (2019) The council of expediency: crisis and statecraft in Iran and beyond. *Middle Eastern Studies*, vol. 55, no 5, pp. 837-853.
- Gieling S. (1994) The Marja'iyā in Iran and the Nomination of Khamanei in December 1994. *Middle Eastern Studies*, vol. 33, no 4, pp. 777-787.
- Golkar S. (2016) Configuration of Political Elites in Post-revolutionary Iran. *Brown Journal of World Affairs*, vol. 23, no 1, pp. 281-292.
- Habibi N. (2015) Iran's overeducation crisis: causes and ramifications. *Middle East Brief*, vol. 85, no 89, pp. 1-7.
- Higley J. (2018) Continuities and discontinuities in elite theory. *The Palgrave Handbook of Political Elites*. (ed. J. Higley), London: Palgrave Macmillan, pp. 25-39.
- Jang J. (2018) Parliamentary Representation in the Macau Special Administrative Region: A Quantitative Analysis of Roll Call Voting Behavior in the 5th Legislative Assembly, 2013-2017. *Contemporary Chinese Political Economy and Strategic Relations: An International Journal*, vol. 4, no 2, pp. 513-555.
- Kalantari M. R. (2021) *The Clergy and the Modern Middle East: Shi'i Political Activism in Iran, Iraq and Lebanon*, Bloomsbury Publishing.
- Kamrava M. (2008) *Iran's intellectual revolution*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Kazemzadeh M. (2008) Intra-elite factionalism and the 2004 Majles elections in Iran. *Middle Eastern Studies*, vol. 44, no 2, pp. 189-214.
- Keddie N. (1966) *Religion and Rebellion in Iran. The Tobacco Protest of 1891-1892*, Frank Cass & Co. LTD.
- Khalaji M. (2011) Iran's regime of religion. *Journal of International Affairs*, vol. 65, no 1, pp. 131-147.
- Künkler M. (2013) The Special Court of the Clergy (Dadgah-e Vizheh-ye Ruhaniyat) and the Repression of Dissident Clergy in Iran. *The Rule of Law, Islam, and Constitutional Politics in Egypt and Iran*. (eds. S. Arjomand, N. Brown), New York: SUNY Press, pp. 57-100.
- Levitsky S., Way L. (2010) *Competitive Authoritarianism. Hybrid Regimes After the Cold War*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Magni-Berton R., Panel S. (2021) Gerontocracy in a comparative perspective: Explaining why political leaders are (almost always) older than their constituents. *Sociology Compass*. Forthcoming, pp. 1-12.
- Malek M. (1989) Elite factionalism in the post-revolutionary Iran. *Journal of Contemporary Asia*, vol. 19, no 4, pp. 435-460.

- Malek-Ahmadi F. (2015) *Democracy and Constitutional Politics in Iran: A Weberian Analysis*, Palgrave MacMillan.
- Mamedova N. (2016) Iran: osobennosti formirovaniia politicheskoi élit [Iran: Features of the Political Elite Formation]. *Vostok (Oriens)*, no 1, pp. 121–127. (In Russian)
- Manin B. (1997) *The Principles of Representative Government*, Cambridge University Press.
- McElroy D., Vahdat A. (2013) Iranian president Hassan Rouhani ‘plagiarised PhD thesis at Scottish university. URL: <https://web.archive.org/web/20170804173224/http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/iran/10143799/Iranian-president-Hassan-Rouhani-plagiarised-PhD-thesis-at-Scottish-university.html>
- Moazzami B. (2013) *State, Religion, and Revolution in Iran, 1796 to Present*, Palgrave MacMillan.
- Mohammadighaletaki A. (2012) *Organizational Change in Political Parties in Iran after the Islamic Revolution of 1979. With Special Reference to Islamic Republican Party (IRP) and the Islamic Iran Participation Front (Mosharekat)*. Durham Theses, Durham University. URL: <http://www.etheses.dur.ac.uk/3507/> (accessed: 06.02.2023).
- Mojab S. (1991) *The state and university: The “Islamic Cultural Revolution” in the institutions of higher education of Iran, 1980-1987*. PhD Dissertation. University of Illinois at Urbana-Champaign.
- Morgenstern S., Siavelis P. (2008) Pathways to Power and Democracy in Latin America. *Pathways to Power. Political Recruitment and Candidate Selection in Latin America*. (eds. P. Siavelis, S. Morgenstern), University Park, PA: Pennsylvania State University Press, pp. 371-401.
- Mossayeb S., Shirazi R. (2006) Education and Emigration: The Case of the Iranian-American Community. *Current Issues in Comparative Education*, vol. 9, no 1, pp. 30–45.
- Mozaffari M. (1993) Changes in the Iranian Political System after Khomeini’s Death. *Political Studies*, vol. 41, no 4, pp. 611–617.
- Namazi R. (2019) Ayatollah Khomeini: From Islamic Government to Sovereign State. *Iranian Studies*, vol. 52, no 1-2, pp. 111-131.
- Page E., Wright. V. (1999) *Bureaucratic Elites in Western European States: A Comparative Analysis of Top Officials*. Oxford: Oxford University Press.
- Parsa M. (1994) Mosque of Last Resort: State Reform and Social Conflict in the Early 1960s. *A Century of Revolution: Social Movements in Iran*. (ed. J. Foran), Minneapolis: University of Minnesota Press, pp. 135-159.
- Putnam R. D. (1976) *The Comparative Study of Political Elites*, Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Rakel E. (2008) *The Iranian Political Elite, State and Society Relations, and Foreign Relations since the Islamic Revolution*, Palgrave MacMillan.
- Ramazani R. (1980) Constitution of the Islamic Republic of Iran. *Middle East Journal*, vol. 34, no 2, pp. 181–204.
- Razavi R. (2010) The road to party politics in Iran (1979–2009). *Middle Eastern Studies*, vol. 46, no 1, pp. 79–96.

- Razi G. H. (1981) Democratic-Authoritarian Attitudes and Social Background in a Non-Western Society: A Study of the Iranian Elite. *Comparative Politics*, vol. 14, no 1, pp. 53-74.
- Rothacher A. (1993) *The Japanese power elite*, Springer.
- Roy O. (2001) Tensions and Options among the Iranian Clerical Establishment. *Iran, Iraq, and the Arab Gulf States*. (ed. J. Kechichian), Palgrave MacMillan, pp. 13-30.
- Sayari S., Hasanov A. (2008) The 2007 elections and parliamentary elites in Turkey: the emergence of a new political class? *Turkish Studies*, vol. 9, no 2, pp. 345-361.
- Schahgaldian N. B. (1989) *The clerical establishment in Iran*, Santa Monica, CA: RAND National Defense Research Institute.
- Shevlin, N. (1998) Velayat-e faqih in the constitution of Iran: The implementation of theocracy. *University of Pennsylvania Journal of Constitutional Law*, vol. 1, no 2, pp. 358-382.
- Shirvani F. (2012). A Different Approach to the Control of Constitutionalism: Iran's Guardian Council. *Constitutionalism in Islamic Countries: Between Upheaval and Continuity* (Ed. by R. Grote, T. Roder), Oxford: Oxford University Press, pp. 279-290.
- Siavoshi S. (1992) Factionalism and Iranian politics: the post-Khomeini experience. *Iranian Studies*, vol. 25, no 3-4, pp. 27-49.
- Skocpol T. (1982) Rentier state and Shi'a Islam in the Iranian revolution. *Theory and Society*, vol. 11, no 3, pp. 265-283.
- Stockemer D., Sundström A. (2018) Age representation in parliaments: Can institutions pave the way for the young? *European Political Science Review*, vol. 10, no 3, pp. 467-490.
- Szyliowicz J. (1971) Elite Recruitment in Turkey: The Role of the Mulkiye. *World Politics*, vol. 23, no 3, pp. 371-398.
- Tabaар M. (2018) *Religious statecraft: The politics of Islam in Iran*, Columbia University Press.
- Tev D. (2021) Chleny Soveta Federatsii: kar'era do vkhozhdeniia v dolzhnost' i posle prekrashcheniia polnomochiï [Members of the Federation Council: Careers Before Taking Office and After Resigning]. *Mir Rossii [Universe of Russia]*, vol. 30, no 4, pp. 53-78. (In Russian)
- Thaler D., Nader A., Chubin S., Green J., Lynch C., Wehrey F. (2009) *Mullahs, Guards, and Bonyads: An Exploration of Iranian Leadership Dynamics*, Santa Monica, CA: RAND National Defense Research Institute.
- The Constitution of the Islamic Republic of Iran (1989 Edition). (2014) Papan-Martin F. (translator). *Iranian Studies*, vol. 47, no 1, pp. 159-200.
- Vakili-Zad C. (1994) Conflict among the ruling revolutionary elite in Iran. *Middle Eastern Studies*, vol. 30, no 3, pp. 618-631.
- Visceglia M. A. (2019) The Social Background and Education of Cardinals. *A Companion to the Early Modern Cardinal* (eds. M. Hollingsworth, M. Pattenden, and A. Witte), Brill, pp. 245-259.
- Wong S. (2010) Political connections and firm performance: The case of Hong Kong. *Journal of East Asian Studies*, vol. 10, no 2, pp. 275-314.
- Zang X. (2004) *Elite dualism and leadership selection in China*, Routledge.
- Zonis M. (1976). *Political elite of Iran*, Princeton University Press.